

Последний мотив приводит нас к главной теме, появляющейся во всех без исключения предисловиях, а именно к мысли о достоверной и абсолютной беспристрастности произведения.

4. МОТИВ ДОСТОВЕРНОСТИ И ВОПРОС ОБЪЕКТИВНОСТИ

Декларация принципа достоверности часто провозглашается в тексте рядом с определением характерных признаков, отличающих прозу от поэзии и отдельные виды прозы друг от друга. Мы это уже видели у Лукиана³⁴. Так, по Прокопию, риторике характеризует *δεινότης*, поэзию *μυθολογία*, историю *ἀλήθεια*; по Феофилакту Симокате, результатом трудов поэтов являются *μυθολόγημα, πλάσμα, ψεῦδος*. Пселл и Анна Комнина подчеркивают отказ от жанра энкомия; различия между обоими жанрами и законами историографии касается Иоанн Мавропод в эпиграмме, в которой он обосновывает свой отказ от создания исторического труда, прямо упоминая закон (*νόμος*) историографии. Никита Хониат считает, что историография должна отказаться от *ῥητορικῆς δεινότητος καὶ ποιητικῆς λογοποιίας*, не выходить за пределы своей *φύσις* и впадать *εἰς μῦθον*³⁵. отождествление лжи (*ψεῦδος*) с поэтическим вымыслом содержится еще в платоновском «Государстве» (598—608 В); вполне вероятно, что и *ἀλήθεια* в первоначальном своем литературно-теоретическом смысле обозначала в связи с историографией «нечто подлинно свершившееся», будучи более или менее тождественна термину *ὡς ἐπράχθη*³⁶. Следовательно, в этом смысле слова она атрибут литературы факта в отличие от беллетристики³⁷. Позднее, конечно, этот термин понимался уже целиком в этическом смысле³⁸ и связывался с требованием, которое нашло свое отражение в известном изречении Тацита: *sine ira et studio*. Греческая версия этого изречения перешла от Полибия (I, 14, 4) и Дионисия Галикарнасского (Praef., 6 и *Περὶ Θεοκρίδου*, 8: *παντὸς φθόνου καὶ πάσης κολακείας φυλάττων*) через Лукиана (*De hist. conscr.* 41: *οὐ μίσει οὐδὲ φιλῖα τι νέμω*) к византийским историкам.

Гарантией этой «исторической правды» должно было служить свидетельство очевидца или личный опыт автора, т. е. своего рода «закон автопсии»³⁹. Лишь один византийский исторический памятник — принадлежащее Евстафию описание взятия Фессалоники норманнами в 1185 г. — рассматривает личное участие автора в историческом событии как недостаток, поскольку автор потом уже не может писать *ἀπαθῶς*⁴⁰. Хронист Скилица в своем предисловии также приходит к выводу, что историки, описывающие современные события, не могут оставаться беспристрастными⁴¹.

Византийские историки, несомненно, отдавали себе отчет в том, что педагогическое требование всячески акцентировать хорошие примеры создает для их произведений непосредственную опасность сближения с энкомистикой, от которой они всегда ясно и определенно отмежевывались⁴². Анна Комнина подчеркивает, что она пишет во время правления третьего после ее отца императора, когда уже прекратилась лживая лесть, потому что люди всегда льстят лишь правящему императору, а о его предшественниках они говорят чистую правду⁴³.

Ф. Тиннефельд⁴⁴ подверг анализу приемы критики императоров в произведениях византийских историков, начиная с Прокопия и кончая Никитой Хониатом, и пришел к заключению, что византийская историография сравнительно объективна, но что византийские историки только в редких случаях способны дать верную характеристику отдельных императоров. Отталкиваясь от их суждений, необходимо учитывать то обстоятельство, что авторы, как правило, принижают значение предшественников правящих императоров или исчезнувших династий в пользу правящей династии. Такой подход подверг критике еще Агафий. Непосредственно критика в произведениях этих историков всегда относится к недавнему прошлому (исключения представляют лишь «Anecdota» Прокопия), однако сравнительно частой бывает косвенная или скрытая критика совре-